

Юридические науки

УДК 34

ПРОБЛЕМА УНИФИКАЦИИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПОВОДОВ³³

Е.С. Кузьменко, Нижегородская академия МВД России (Нижний Новгород, Россия)

Аннотация. В данной работе проводится исследование теоретических и практических основ возбуждения уголовного дела, при этом уделяется особое внимание системе поводов для возбуждения уголовного дела

Ключевые слова: уголовное дело, возбуждение уголовного дела, уголовное право.

В настоящей статье мы рассматриваем результаты решения двух задач исследования: 1) определение факторов, оказывающих воздействие на формирование и развитие системы поводов и 2) оценка теоретической и практической значимости унифицированного и дифференцированного подходов к формированию системы поводов.

Вопрос о том, что целесообразнее – унификация или дифференциация системы поводов, представляется крайне актуальным и в то же время весьма проблемным. Над этой проблемой размышляли многие процессуалисты. Но размышляли, как правило, косвенно. О приверженности исследователей той или иной позиции можно судить преимущественно по общему контексту их размышлений.

К примеру, если мы возьмем авторскую систему поводов В.Т. Томина, то приходим к выводу, что профессор является сторонником дифференцированного подхода. Об этом свидетельствует сама авторская конструкция, включающая 10 поводов: «1) заявление граждан; 2) сообщение должностных лиц; 3) сообщение общественных организаций; 4) заявление должностных лиц (для возбуждения уголовных дел общественно-публичного обвинения); 5) заявление церковных образований и иностранных фирм; 6) явка с повинной; 7) публикации в печати; 8) задержание подозреваемого; 9) результаты оперативно-розыскной деятельности; 10) непосредственное обнаружение признаков преступления органов, компетентных возбудить уголовное дело» [27, С. 116].

Почитателями дифференциации поводов предстают В.М. Быков и Л.В. Березина. Их представление о системе поводов таково: «заявления граждан; сообщения общественных организаций; сообщения предприятий, учреждений, организаций и должностных лиц; статьи, заметки и письма, опубликованные в печати и других средствах массовой информации; явка с повинной; непосредственное обнаружение органом дознания,

³³ Статья представлена магистром социальной работы Т.М. Хусяиновым (Нижний Новгород, Россия). **Научный руководитель:** доктор юридических наук, профессор М.П. Поляков. **Ведущая организация:** Волгоградская академия МВД России. **Оппоненты:** доктор юридических наук, профессор А.Ф. Лубин; кандидат юридических наук, доцент С.П. Гришин. **Отзывы прислали:** профессор кафедры Института повышения квалификации руководящих кадров Генеральной прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент А.В. Агутин; доцент кафедры уголовного процесса СибЮИ МВД России, кандидат юридических наук, доцент П.Л. Сурихин; начальник кафедры уголовного процесса Калининградского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент, подполковник милиции В.Н. Авдеев; Начальник Омской академии МВД России, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Б.Б. Булатов; Заведующий кафедрой уголовного права и процесса Омского юридического института, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, доцент Ю.В. Деришев.

дознавателем, следователем и прокурором признаков преступления» [3, С. 56-57] (позиция указанных авторов нам интересна и тем, что они говорят именно о системе поводов.).

Цитируемая работа примечательна и тем, что ее авторы прямо говорят о системе поводов. В.М. Быков и Л.В. Березина не одиноки в этом. Выше мы рассматривали позицию А.П. Попова. Тем самым мы все более утверждаемся в правомерности постановки вопроса о системности поводов.

Однако буквальное признание системности поводов нельзя признать всеобщим. Большинство исследователей воздерживаются от употребления слова «система». Во всяком случае, в учебной литературе авторы предпочитают говорить о перечне поводов. В качестве примера приведем фрагмент из лекции В.Н. Григорьева. «В законе дан **исчерпывающий перечень** (выделено нами. – **Е.К.**) поводов для возбуждения уголовного дела. Вместе с тем, этот перечень, основанный на неограниченном виде источников сведений о преступлении, носит открытый характер. Когда обнаружены признаки преступления, всегда есть повод для возбуждения уголовного дела – если не в виде заявления о преступлении или явки с повинной, то в виде сообщения о преступлении, полученного из иных источников. Исключение составляют сообщения, полученные из анонимных источников. Анонимное заявление в соответствии с ч. 7 ст. 141 не может служить поводом для возбуждения уголовного дела» [6, С. 8].

В приведенной цитате, на наш взгляд, содержатся некоторые противоречия. Представляется, что перечень не может быть одновременно и исчерпывающим, и открытым. Характеристика «исчерпывающий» к данному перечню не подходит. Не подходит потому, что в этот перечень входит формально неопределенный повод – п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ.

Если этот перечень перевести в формулировки «источниковой» трактовки поводов, то мы получим следующий его вид: 1) Источник № 1 – заявление о преступлении; 2) Источник № 2 – явка с повинной; 3) **Иные** источники, в которых содержится сообщение о преступлении.

Называть такой перечень исчерпывающим нелогично. Последний пункт не закрывает этот перечень, а напротив, делает его максимально восприимчивым к информации о преступлении. Законодатель намеренно вставил в перечень такой широкий пункт, чтобы сделать систему поводов открытой.

Возвращаясь к цитате из лекции В.Н. Григорьева, мы хотим заметить, что в ней содержится достаточно доводов, обосновывающих системную организацию поводов. Если мы имеем дело с многообразием источников информации о преступлении, то для улавливания и процессуального восприятия этой информации нужен не просто перечень поводов. Нужна система этих поводов.

Однако необходимо иметь в виду, что речь идет не просто о системе поводов, а о системе законных поводов. В связи с этим закономерно возникает вопрос: что считать законным поводом и чем законный повод отличается от просто повода?

Казалось бы, ответ на этот вопрос лежит на поверхности: сам факт называния повода в УПК РФ придает ему статус законности. Считаем, что это очень упрощенный подход. На наш взгляд, законным (в полном смысле этого слова) повод становится тогда, когда он является формально определенным. Формальная определенность и придает поводу

процессуальное свойство законности и связанные с ним качества допустимости и достоверности.

Повод, указанный в п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ, едва ли отвечает требованию формальной определенности. Форма его реализации – рапорт. Таким образом, получается, что поводом является сообщение о преступлении, содержащееся в рапорте сотрудника правоохранительных органов. Очевидно, что законодатель предполагал более широкую трактовку. Однако реализовать ее посредством процессуальной формы в полной мере не удалось.

Вопрос о формальной определенности поводов имеет прямое отношение к проблеме дифференциации/унификации поводов. В основе первого подхода лежит курс на формальную определенность; в основе второго – освобождение от формальной определенности. Посмотрим, какие варианты решения этой проблемы предлагаются в юридической литературе.

Предметную постановку вопроса в ключе «унификация или дифференциация системы поводов» мы встретили в диссертации

И.Р. Дмитриева. Обосновывая актуальность своего исследования, он указывает: «Историко-правовое исследование системы поводов показало, что указанная система развивалась по пути детализации и конкретизации входящих в нее элементов. Новый УПК РФ попытался опереться на противоположную установку – универсальность, что привело к компактности системы поводов. Преимущества или недостатки универсального подхода к формированию современной системы поводов для возбуждения уголовного дела требуют соответствующей научной оценки» [8, С. 4].

Свое отношение к этой проблеме И.Р. Дмитриев частично высказал в положениях, выносимых на защиту. Здесь автор сформулировал три тезиса, представляющих значительный интерес с методологической точки зрения. Процитируем эти положения.

«1. В основе множественности поводов для возбуждения уголовного дела лежит исторически сложившаяся закономерность дифференциации начала досудебного производства по жалобе определенного лица (*inquisitio cum promovente*) и без жалобы (*inquisitio ex officio*). Данная закономерность выражается в том, что во всякой системе поводов должно быть как минимум два элемента – частный (негосударственный) повод и публичный (государственный) повод.

2. Система поводов и система доказательств являются информационными системами и, следовательно, должны быть максимально открыты для сведений о криминальных явлениях. К этому их обязывает методологическая платформа процесса, опирающаяся на принцип публичности и принцип свободной оценки доказательств.

3. Система поводов для возбуждения уголовного дела генетически устремлена к универсальности. Эта устремленность может быть эффективно реализована посредством закрепления в системе поводов для возбуждения уголовного дела – «свободного» повода» [8, С. 8].

Рассмотрим указанные положения. На первый взгляд, они взаимосвязаны и представляют единую концепцию. Но так ли это? Для того, чтобы выяснить это, рассмотрим методологические основания этих положений.

В основе первого вывода (о том, что поводов не может быть менее двух) лежат, по

мнению автора, исторические предпосылки. Сам И.Р. Дмитриев ссылается на факты, приведенные известным теоретиком и историком уголовного процесса профессором М.А. Чельцовым-Бебутовым.

Исследуя публичные начала уголовного судопроизводства европейских стран, М.А. Чельцов-Бебутов установил, что первые указания на производство *ex officio* можно встретить еще в XII веке. Так, 22 сентября 1198 г. папа Иннокентий III отреагировал на обвинение молвой в корыстном должностном преступлении архиепископа Миланского. Папа поручил производство расследования своим легатам. Архиепископ возразил, что он не может быть осужден в таком порядке, потому что нет лица, которое явилось бы обвинять его. Но Иннокентий III в своем письме архиепископу выдвинул новую доктрину – о своей обязанности расследовать *ex officio* истину для исправления виновных. В дальнейшем развитии института повода для возбуждения уголовного дела стали различать расследование по жалобе определенного лица – *inquisitio cum promovente* и расследование без жалобы – *inquisitio ex officio* [32, С. 109-110].

Оценивая данный факт, можно говорить о том, что речь здесь идет не столько о строго исторических предпосылках, сколько о методологических установках. Исторический аспект здесь проявляется лишь в том смысле, что факт разграничения поводов возник когда-то (в далекой истории). Однако к необходимости введения повода *inquisitio ex officio* уголовный процесс пришел не только эволюционным путем. Точнее, не совсем эволюционным³⁴. Это, по нашему мнению, это был адекватный ответ вызовам современности. И уголовный процесс отреагировал на эти вызовы изменением системы поводов. Эти изменения, по нашей оценке, можно смело назвать усовершенствованием системы.

Другое дело, что для реализации этого новшества был подобран не совсем адекватный орган. Во всяком случае, так может показаться на первый взгляд. Но эта оценка с точки зрения сегодняшнего дня. С позиции тех лет интерпретация событий могла быть иной. Хотя история уголовного процесса показывает, что внедрение новых уголовно-процессуальных идей несколько опережает появление соответствующих этим идеям процессуальных средств.

Так, на наш взгляд, обстояло дело и с реализацией идеи публичности. Возложение всех процессуальных функций на суд было обусловлено именно этим обстоятельством. Подтверждение сказанному мы находим у классиков уголовно-процессуальной теории. «Когда публичное начало уголовного процесса, – пишет И.Я. Фойницкий, – стало выясняться, а государственные органы еще не образовались, то совершенно естественно было возложить задачу обвинения на готовые органы суда, поручив им сперва контроль за деятельностью сторон, а затем мало-помалу и саму эту деятельность» [29, С. 62].

Из приведенной цитаты следует, что публичное начало дало толчок развитию органов уголовного преследования. Оно же стало источником развития системы поводов. Следует разделить точку зрения

А.С. Александрова, полагающего, что понятие повода к возбуждению уголовного дела

³⁴ К слову, путь чистой эволюции для уголовного процесса мало приемлем. Уголовный процесс нередко возвращается к тем принципам и институтам, которые были отринуты и, казалось бы, безвозвратно. Современный уголовный процесс (в понимании разработчиков УПК) это очень наглядно подтверждает.

является крайним проявлением публичности (официальности), несомненно, имеющим следственный характер. Наиболее рельефно указанный принцип проявляет себя в розыском типе уголовного процесса. Собственно в этом типе процесса публичность и оформилась в качестве основного начала [1, С. 165].

Опираясь на сказанное, можно заключить, что развитие системы поводов напрямую связано с укреплением в уголовном процессе розысных начал. Полагаем, что уместным будет в связи с этим заявить, что *качество системы поводов для возбуждения уголовного дела – один из главных индикаторов состояния эффективности средств реализации принципа публичности.*

Смешанный (следственно-состязательный) тип современного уголовного процесса не является препятствием для подобного вывода. Возникнув в недрах процесса розысного типа, принцип публичности распространил свое влияние и на состязательный тип процесса. И произошло это достаточно давно. Во всяком случае, современники УУС это отлично понимали. «Допуская сочетание розысных и состязательных начал, – писал Н.Н. Розин, – современный процесс твердо установил один общий принцип, в силу которого уголовное преследование всегда сохраняет публично-правовой, официальный характер. Это преследование ведется против обвиняемого государством... Даже в тех случаях, когда положительное право допускает частное преследование, это преследование представляет выполнение публично-правовой функции, происходит во имя публично-правовых интересов и создает публично-правовые отношения» [22, цит. по: 31, С. 61-62].

Прежде чем перейти ко второму тезису И.Р. Дмитриева, предвосхитим возможные возражения исследователей типологии уголовного процесса, касающиеся нашего вывода о генетической связи принципа публичности и розысного типа процесса. Поводом для подобных опасений служит фрагмент монографии А.В. Смирнова. Автор в систему принципов розысного (следственного) процесса включает следующие идеи: «1) принцип единства (слияние функций в функцию расследования, инстанционность), 2) судебно-следственная тайна, 3) письменность производства, 4) ревизионное начало; 5) обязанность любого лица содействовать уголовному процессу, 6) объективизм; 7) формальная оценка доказательств»³⁵.

Как видим, о принципе публичности здесь не говорится. Но, по нашему мнению, это вовсе не означает, что идея публичности в системе розысных принципов отсутствует. Дело в том, что названные выше принципы являются отраслевыми. Тип процесса, как полагает А.В. Смирнов, характеризуется принципами двух уровней – общеправовыми и отраслевыми. Однако мы исходим из того, что идея публичности является принципом более высокого порядка. Это в какой-то мере общеправовой принцип.

Заметим, правда, что в монографии А.В. Смирнова принципа публичности нет и в числе общеправовых принципов. По его мнению, единственный общеправовой принцип, который признается розысным производством, точнее лишь его инквизиционным и следственным видами, – это законность. «Розыск, – указывает А.В. Смирнов, – обычно насаждается в обществе именно под лозунгом энергичного наведения законности и

³⁵ По мнению А.В. Смирнова, говоря о принципах розысного типа процесса, следует прибегать в основном к следственной его разновидности, не отказываясь там, где это уместно, и от примеров инквизиционного и иных видов розысного производства. См.: *Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. – СПб..., 2000. – С. 124.*

порядка» [25, С. 123-128].

Представляется, что принцип законности с его установками на порядок включает в себя и идею публичности (официальности). В современном понимании принцип публичности означает требование, обязывающее компетентные государственные органы и должностных лиц начинать уголовное судопроизводство и вести его к достижению цели независимо от волеизъявления заинтересованных лиц. К этому их обязывает должностное положение и государственный интерес³⁶.

Идея публичности находит отражение в ч. 2 ст. 21 УПК РФ, согласно которой в каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные УПК РФ меры по установлению события преступления, изобличению лица и лиц, виновных в совершении преступления.

Из этого положения следует, что в соответствии с требованиями ч. 1 ст. 144 УПК РФ дознаватель, орган дознания, следователь и прокурор обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции, установленной УПК, принять по нему решение о возбуждении уголовного дела либо об отказе в возбуждении уголовного дела.

Обобщая сказанное, заключаем, что в основе дифференциации поводов и, как следствие, в основе их системного построения лежит розыскной принцип (тип) процесса, проявляющийся посредством публичных начал уголовного судопроизводства.

Исторические основания данного тезиса обнаруживаются во многих законодательных актах. В том числе и в УУС. Во втором параграфе первой главы мы уже приводили характеристику системы поводов в изложении И.Я. Фойницкого. Приведем эту цитату еще раз, но по другому поводу.

«Начало предварительного следствия обусловливается наличием одного из тех пяти законных поводов, которые указаны в статье 297 УУС; как скоро появился такой повод, судебный следователь постановляет о начатии дела. Некоторые из этих поводов безусловно обязательны для следователя в том смысле, что при наличии их он не может не начать следствия; другие же не обязывают его к начатию дела, а лишь дают ему на это право. К первым относятся жалобы потерпевших, предложение прокурора и возбуждение дела начальством обвиняемого; ко вторым – сообщения полиции, явка с повинной и заявления лиц, не потерпевших от преступного деяния» [30, С. 397].

В. Случевский тоже обращал внимание на то, что некоторые из законных поводов сами по себе служили достаточным основанием для уголовного преследования [24, С. 444].

Н.Н. Розин также считает, что законные поводы по своему назначению распадаются на две группы. Одни поводы, безусловно, обязательны для следователя, и при их наличии он должен приступить к производству предварительного следствия. Другие поводы не являются обязательными, и для начала предварительного следствия при наличии этих поводов он должен установить достаточность оснований [21, С. 421-422].

³⁶ Исследованию природы принципа публичности (официальности) в уголовном процессе, в частности, в стадии возбуждения уголовного дела, посвящены диссертационные исследования: *Федулов А.В.* Реализация принципа публичности (официальности) в современном уголовном судопроизводстве России: Дис... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2002; *Бандурин С.Г.* Публичность как принцип уголовного судопроизводства и его действие в стадии возбуждения уголовного дела: Дис... канд. юрид. наук. – Саратов, 2004.

К историческим основаниям дифференциации поводов активно обращались разработчики современной модели УПК РФ. Для иллюстрации их позиции приведем развернутую цитату из статьи С. Вицина (на момент подготовки статьи – заместителя председателя Совета при Президенте РФ по вопросам совершенствования правосудия).

«Возбуждение уголовного дела, – пишет С. Вичин, – акт не формальный, а весьма значимый и важный. Институт возбуждения дела известен всем видам судопроизводства, и, естественно, реализация названного института, как правило, возложена на суд, который обычно и возбуждает дело (или производство по делу). Именно такой порядок предусматривался ранее действовавшими и предусматривается вновь принятыми ГПК РФ и АПК РФ, а по определенной категории дел – делам частного обвинения – и УПК РФ (ст. 4 ГПК РФ, ст. 127 АПК РФ, ст. 318 УПК РФ). Такой совершенно ясный и легко объяснимый подход давно сформировался в истории судопроизводства. В дореволюционном уголовном судопроизводстве его начало обозначалось термином более точным и имеющим более широкое содержание – начатие дела у мирового судьи или начатие предварительного следствия, в том числе с участием полиции (ст.ст. 42–53, 250–261, 297–314 Устава уголовного судопроизводства Российской империи).

Так называемое «возбуждение уголовного дела» было лишь частным случаем начатия судопроизводства, когда оно осуществлялось прокурором или судебным следователем (п.п. 4, 5 ст. 297 Устава уголовного судопроизводства Российской империи). При этом существенно, что уголовное судопроизводство фактически начиналось (инициировалось) прежде всего не властью, а частными лицами. В ст. 303 Устава уголовного судопроизводства Российской империи указывалось буквально следующее: «Жалобы почитаются достаточным поводом к начатию следствия. Ни судебный следователь, ни прокурор (и, добавлю, конечно же, и не полиция – С.В.) не могут отказать в том лицу, потерпевшему от преступления или проступка» [4].

С. Вичин обращает внимание на то, что «эта норма, как справедливо отмечалось в Концепции судебной реформы в Российской Федерации 1991 года, заставляла государство, официальные власти служить интересам гражданина, который выступал не как бесправный и часто униженный проситель, припадающий к стопам могущественной власти, а как полноправный гражданин государства, приводящий в движение машину государственной уголовной юстиции. Иными словами, реализовался демократический принцип – не человек для власти, а власть для человека (см.: Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М., 1991. С. 89) [4].

Отталкиваясь от сказанного, С. Вичин формулирует предложение: «Для придания институту возбуждения уголовного дела современного облика, необходимо, в первую очередь, полностью и безоговорочно отказаться от так называемой доследственной проверки заявлений, сообщений о преступлениях и по их получении немедленно возбуждать уголовное дело и начинать расследование, т. е. производство по делу, как это имеет место во всех видах судопроизводства, включая в известных случаях и уголовное» [4].

В высказанной позиции есть рациональное зерно. И выше мы обращали внимание на целый ряд моментов, в том числе и на условность термина «возбуждение уголовного дела». Вместе с тем, практика показывает, что реализация подобного подхода сопряжена

со значительными трудностями. Сложности проявились во время одной из кампаний по совершенствованию учетно-регистрационной дисциплины.

В последние годы сложилась практика приравнивания решения об отказе в возбуждении уголовного дела к факту укрывательства преступления. М.Т. Коридзе по этому поводу пишет: «Практика последних лет показывает, что органы прокуратуры нередко приравнивают подобное решение к факту укрывательства преступлений, а лиц, его вынесших, к «оборотням в погонах». Решение об отказе в возбуждении уголовного дела становится поводом для возбуждения уголовного дела в отношении лица, принявшего это решение. В связи с этим, уголовные дела возбуждаются по всякому поводу, в том числе и тогда, когда повод не содержит в себе оснований. Впоследствии эти дела, как правило, прекращаются» [15, С. 140].

Оценка доследственной проверки также неоднозначна. По мнению Д. Кречетова (во время написания цитируемой статьи – первого заместителя прокурора Нижегородской области), не все жалобы граждан, в которых содержится требование о возбуждении уголовного дела, должны проверяться в порядке, предусмотренном УПК РФ.

Он, в частности, указывает следующее: «В последнее время все чаще различные судебные инстанции стали признавать незаконным рассмотрение заявлений граждан без вынесения решения в порядке ст. ст. 144–145 УПК и обязывать органы прокуратуры проводить такие проверки, если в заявлении есть просьба возбудить уголовное дело. При этом судами не берется во внимание, что в таких заявлениях не указывается на признаки преступлений, хотя именно это имеет существенное значение. Как правило, в обоснование своих доводов об обязательности вынесения решения в порядке ст. 145 УПК суд называет следующие обстоятельства: а) в заявлении содержится просьба возбудить уголовное дело; б) имеется информация о совершенном (готовящемся) преступлении; в) отсутствует официальный отказ прокурора в приеме заявления, вынесенный в порядке п. 5 ст. 144 УПК» [16].

Д. Кречетов критически оценивает эту практику: «Достаточно в обращении указать на желание гражданина возбудить уголовное дело либо привлечь кого-либо к уголовной ответственности, – указывает он, – и суд автоматически рассматривает его как поданное в порядке, предусмотренном УПК РФ. При этом забывается азбучная истина: кроме поводов должны быть и основания, т. е. достаточное указание на признаки совершенного преступления. Но это уже ко второму доводу».

«Что касается просьбы, то порой уловить «желание клиента» весьма затруднительно. Так, изучение одного из обращений, по которому судом было принято решение о незаконности действий прокурора без принятия решения в порядке УПК РФ, никак не свидетельствовало о каких-либо однозначных требованиях заявителя. Не указывая на признаки преступления, заявитель в очередной раз обжаловал отказ в регистрации общественного объединения (который ранее прокуратурой признан обоснованным) и действия чиновника Минюста. В заключение своего обращения он просил «возбудить уголовное дело с разрешением вопроса в рамках гражданского иска...». Понять просьбу не просто» [16].

Все это приводит Д. Кречетова к выводу о том, что «информация в заявлении о совершенном или готовящемся преступлении должна давать основания хотя бы рассуждать о деянии как о возможном или предполагаемом преступлении. Если же в заявлении речь

идет о преступлении, однако указывается не на деяние, а на некие мероприятия, акты или цепь каких-либо связанных (а зачастую не связанных) между собой событий, без намека не только на их преступность, но даже противоправность, как можно сразу подводить под эту проверку уголовно-процессуальную форму? И речь здесь идет не о том, что прокуроры бояться быть «заваленными» заявлениями или есть некая боязнь жестких сроков. Речь о правах и конституционных свободах тех лиц, действия которых мы будем рассматривать» [16].

Действительно, всякое заявление о преступлении касается не только заявителя, но и других лиц, на которых падает подозрение. Заботясь о правах граждан, необходимо помнить, что гражданами являются и те люди, которых пытаются привлечь к ответственности. Закон должен защищать и их от незаконного вовлечения в орбиту уголовного процесса.

По мнению Д. Кречетова, «если жалоба содержит просьбу возбудить дело, а указаны признаки административного правонарушения, у прокурора нет оснований для уголовно-правовой оценки чьих-либо действий, т. е. проведения проверки в порядке ст. 144–145 УПК РФ. Вполне достаточно возбудить административное производство либо отказать в его возбуждении» [16].

В связи с этим мы должны сказать, что не все исторические предпосылки нужно буквально воплощать в современном уголовном процессе. Несмотря на то, что отечественный уголовный процесс отводит место и частному началу [7; 23; 33, С. 16], определяющей идеей все же выступает публичность.

Считаем, что развитие современной системы поводов к возбуждению уголовного дела в первую очередь подпитывают своей энергией публично-розыскные начала. На фоне этой мысли следует воспринимать второе положение, защищаемое И.Р. Дмитриевым. Напомним, он утверждает, что «система поводов и система доказательств являются информационными системами и, следовательно, должны быть максимально открыты для сведений о криминальных явлениях. К этому их обязывает методологическая платформа процесса, опирающаяся на принцип публичности и принцип свободной оценки доказательств».

Данный тезис нуждается в тщательном анализе. И.Р. Дмитриев для характеристики системы поводов использует как минимум два понятия: 1) информационная система и 2) открытая система. Необходимо проверка: правомерно ли И.Р. Дмитриев использует в данном случае терминологию? Понимает ли он, что такое система, что такое информационная система и т. п.

Подобные вопросы неизбежно влекут за собой обращение к соответствующим понятиям и их соответствующую разработку. Однако попытка определиться с понятиями системы и информации – эта задача непосильная и для отдельного исследования. Несмотря на широкое оперирование понятиями «система» и «системное исследование», их четкой дефиниции, как в методологии науки, так и в отраслевых науках, до сих пор не существует.

При такой ситуации, как отмечает Д.А. Керимов, любое всеобщее определение системы может претендовать в лучшем случае на «метатеоретическое», «идеально-моделированное» или «абстрактно-формализованное значение», отвлеченное от качественной характеристики реальных системных образований. А отсюда следует, что сами всеобщие определения системы должны классифицироваться в зависимости от целей их формулирования [11, С. 243]. Похожей позиции придерживается И. Клир, который подчеркивает, что понятие системы в различных научных дисциплинах используется различным

образом и применяется для решения различных проблем. Эти различия обусловлены главным образом традицией и специфическими методами и задачами отдельных наук [12, С. 288, цит. по 11, С. 243].

Однако и не определяя указанных понятий, мы полагаем возможным сделать некоторые замечания по поводу позиции И.Р. Дмитриева. На наш взгляд, понятие «информационная система», подразумевает систему элементов, содержащих готовую (актуальную) информацию. Информационными системами могут быть названы разного рода банки данных.

Система поводов подразумевает, в первую очередь, источники потенциальной информации, обращая больше внимания на форму информации, нежели на ее содержание. Подчеркнем, что мы характеризуем систему поводов с точки зрения формального выражения в праве³⁷. Для нас здесь важно значение, которое система поводов имеет для уголовного процесса в целом. Только на этом уровне абстракции и можно говорить о системности поводов. Именно в этом ключе перечень поводов превращается в систему (нечто большее, чем сумма частей), нацеленную на то, чтобы захватить максимальное число данных, указывающих на признаки преступления. Этот захват и удержание осуществляются посредством формы повода.

Формальное начало системы поводов обусловлено опять же розыскной подоплекой (действием розыскного начала), лежащей в основе феномена повода и системы поводов для возбуждения уголовного дела. Очень красочную характеристику процессу розыскного типа дал В.Д. Спасович: «Весь этот процесс направлен к тому, чтобы дойти до полнейшего раскрытия истины материальной. Весь он основан на отвлеченной теории вероятностей, на вере в безошибочность объективных правил, выведенных разумом из долговременного опыта и основанных на глубоком знании свойств человеческого ума и сердца, на вере в возможность разрешить посредством их всевозможные случаи жизни практической» [26, С. 29].

Ранний розыскной процесс опирался на теорию формальной оценки доказательств. Эта теория ничего общего не имеет с формализмом. Она лишь является подтверждением того, что в области уголовного процесса ведутся поиски средств объективизации информации. И формализм повода – одно из этих средств. Частью формы является и необходимость доследственной проверки, против которой возражает С. Вицин (и не только он). Потребность в объективных основаниях для начала уголовного судопроизводства (а именно к этому призывает логический закон достаточного основания) требует отказаться от практики возбуждения уголовного дела на основании только требования субъекта. Причем неважно, каким должностным статусом обладает этот субъект.

Перечисленные особенности требуют совершенствования процессуальной формы первой стадии уголовного судопроизводства. Для решения этой задачи нужно учитывать разные предложения, в том числе и те, в которых ставится вопрос о расширении практики отказа в принятии сообщения о преступлении.

По мнению прокурора М. Махмутова, необходимость в этом достаточно часто возникает на практике. Ему представляется возможным и не противоречащим закону вынесение постановления об отказе в принятии сообщения о преступлении в случае, если заявление

³⁷ Само собой, что в реальной практической деятельности содержательное наполнение повода крайне важно.

содержит сведения о событии, не имеющем признаков преступления, либо если по аналогичному сообщению о преступлении уже принято решение, предусмотренное ст. 145 УПК. При этом, конечно, повторное сообщение не должно содержать новых данных об указанном событии. По аналогии с ч. 4 ст. 148 УПК постановление об отказе в приеме сообщения о преступлении должно немедленно направляться заявителю. При этом ему надлежало бы разъяснить предусмотренное ч. 5 ст. 144 УПК право на обжалование принятого решения прокурору и в суд в соответствии со ст.ст. 124 и 125 УПК [17].

Сам М. Махмутов оговаривает, что приведенные предложения, конечно, не могут быть призывом немедленно выносить постановления об отказе в приеме сообщений о преступлении. Они предполагают лишь разрешение вопросов, которые требуют нормативного урегулирования если не на законодательном, то на ведомственном уровне [17].

Но вернемся к положению И.Р. Дмитриева о том, что система поводов – открытая информационная система. Мы критически оценили эту терминологию с опорой на формальный базис повода. Однако в поводе, как было показано нами выше, переплетаются разные феномены. И формальный аспект не является единственным. Поэтому критика позиции И.Р. Дмитриева только по этому аспекту вряд ли будет обоснованной. Кроме того, у нас нет претензий к И.Р. Дмитриеву в части методологического понимания системы поводов. Мы скорее против текстуального выражения его позиции.

Полагаем, что более удачной для характеристики системы поводов к возбуждению уголовного дела является формулировка «*система улавливания информации*», а не «информационная система». Эта формулировка более точна в методологическом смысле. И не только. Посредством ее в систему поводов вовлекается и идеологическая составляющая.

Она заключается в установке на активную борьбу с преступностью. В современный период торжествует принцип личной свободы. Именно этой свободе и была подчинена современная судебная реформа. Однако полтора десятка лет практической реализации этого принципа показали, что чрезмерная свобода способна привести к катастрофическим последствиям. Если говорить о борьбе с преступностью, то с каждым днем становится все яснее, что эффективная борьба возможна только в случае усиления публичных розыскных начал судопроизводства.

В связи с этим лозунги, призывающие к войне с преступностью, уже не выглядят простым популизмом. Наш научный руководитель полагает, что «главной стратегией войны с преступностью следует рассматривать курс на информационное превосходство органов, ведущих антикриминальный процесс перед субъектами криминальной деятельности» [20, С. 15].

Однако идея информационного превосходства должна выражаться не только в улавливании информации, но и в переработке этой информации в соответствующий информационный продукт³⁸. И законная форма повода (способ формирования) есть надежный гарант и средство решения этой задачи.

Заговорив о законной форме повода, мы вновь обращаемся к проблеме дифференциации/унификации поводов к возбуждению уголовного дела. Если форма повода зависит от первичной информации, в том числе и от ее первоисточника, то можно предположить,

³⁸ Об информационном продукте также активно рассуждал наш научный руководитель.

что таких форм будет несколько. Разнообразие информации о преступлении ведет к разнообразию формального закрепления этой информации. И это обстоятельство свидетельствует в пользу дифференциации поводов.

Однако различие поводов не отрицает той общей задачи, которую они призваны выполнить. Следовательно, дифференциация поводов не препятствует их системности. Напротив, способствует ей.

Таким образом, мы выявили как минимум две предпосылки для дифференциации поводов для возбуждения уголовного дела: 1) деление поводов на частные и публичные; 2) необходимость формализации поводов, как первая предпосылка их законности.

Означает ли это, что мы готовы отдать предпочтение дифференцированному подходу? Прежде чем ответить на этот вопрос, еще раз обратимся к третьему положению, которое выдвинул в своей работе И.Р. Дмитриев.

«Система поводов для возбуждения уголовного дела генетически устремлена к универсальности. Эта устремленность может быть эффективно реализована посредством закрепления в системе поводов для возбуждения уголовного дела – «свободного» повода».

В цитате есть два интересных момента: идея универсальности системы поводов и средство реализации этой универсальности – свободный повод.

Разберем эти моменты подробнее. Итак, что означает универсальность системы поводов? А означает она то, что система поводов может (по крайней мере, должна) реагировать на любую информацию о криминальном событии. В этом смысле система поводов 2001 г. должна быть готова к улавливанию информации, которая появится в 2010 г., и т. д.

По мнению И.Р. Дмитриева, свойство универсальности достигается за счет включения в систему поводов так называемого свободного повода. В принципе мы с этим согласны. Однако свободный повод – это не единственный способ придания системе поводов универсальных свойств. Главным способом, по нашему мнению, является сама системная организация поводов.

То, что поводы являются системой, а не простой совокупностью информационных источников, можно показать на примере анонимных заявлений. Часть 7 ст. 141 УПК РФ указывает, что «анонимное заявление о преступлении не может служить поводом для возбуждения уголовного дела». Подобной формулировки в УПК 1960 г. не было. Однако правило о том, что анонимное заявление не повод, существовало всегда.

Но правило это следует понимать с оглядкой на формальное понимание повода. Да, анонимное заявление не является поводом к возбуждению уголовного дела. Но не является лишь в том смысле, что оно не образует заявления как разновидности уголовно-процессуальной формы. По форме этот повод отрицается, но по содержанию он отвергнут быть не может.

Комментируя ст. 141 УПК РФ, В.Т. Томин и М.П. Поляков пишут: «Анонимное заявление о преступлении не может служить поводом для возбуждения уголовного дела. Вместе с тем, орган дознания не должен игнорировать анонимную информацию, указывающую на криминальный характер события. Анонимные письма, содержащие данные о преступлении, не уничтожаются, а передаются в оперативные службы для использования в пресечении и раскрытии преступления» [14, 373].

Последняя установка содержится во всех ведомственных приказах, регламентирую-

щих прием заявлений и сообщений о преступлении³⁹. Передача анонимного заявления в оперативный орган означает не что иное, как переформатирование первичной информации в форму законного повода. В результате уголовный процесс в случае подтверждения криминального происхождения события, описываемого в анонимном заявлении, будет запущен по другому поводу. В старом УПК такую возможность давал п. 6 ст. 108: непосредственное обнаружение признаков преступления органом дознания, следователем, прокурором и судом. Сегодня – п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ: сообщение о преступлении, полученное из иных источников.

Обратившись к анонимным заявлениям, мы не можем не обратить внимание на тенденцию, берущую начало в стратегии информационного превосходства органов, ведущих борьбу с преступностью, перед теми, с кем эти органы и борются.

В 2003 г. в журнале «Законодательство» вышла статья В.В. Голубева «Анонимные заявления: позитивный взгляд на негативное явление» [5]. В указанной работе автор призывает непредвзято относиться к этому источнику информации. «Нельзя, – пишет он, – оценить анонимные послания как явление однозначно отрицательное. Возникнув, видимо, одновременно с появлением письменности, они продолжают существовать, и это не случайно. Втянутыми в этот процесс людьми – и теми, кто пишет анонимки, и теми, кто читает безымянные сообщения, – движут самые разные побудительные мотивы, порой прямо противоположные; тем не менее, анонимные письма были, есть и, судя по всему, будут».

Сам В.В. Голубев не призывает придать анонимным заявлениям статус повода. Он лишь подчеркивает необходимость решать эту проблему не на ведомственном, а на законодательном уровне.

«Безусловно, требуется законодательно разрешить данную проблему, предусмотрев, например, возможность подать заявление о преступлении в доверительной форме. Именно так предлагает вывести «из тени» определенную часть источников информации о преступлении В. Юрин. По его мнению, в этом случае «заявитель вправе рассчитывать на дополнительные меры защиты с момента подачи заявления. После обещанной конфиденциальности сведения о заявителе могут не фиксироваться в следственном деле» [5].

Теперь поговорим о феномене свободного повода для возбуждения уголовного дела. Этот элемент, напомним, И.Р. Дмитриев называет главным инструментом придания системе поводов свойства универсальности.

Начнем с авторского определения свободного повода. Свободный повод для возбуждения уголовного дела – это такой элемент системы поводов, который позволяет этой системе улавливать максимальное число сведений о признаках преступления. Он представляет собой неформализованную⁴⁰ информацию, зафиксированную способом, позволяющим проводить ее расшифровку и проверку [8, С. 9-10].

Идея свободного повода была оценена в юридической литературе как любопытная.

³⁹ Перечень этих приказов мы приводим в первом разделе списка использованной литературы. Интересен тот факт, что с заявлением о признании недействительным соответствующих пунктов в Верховный Суд РФ обращалось правозащитное движение «За права человека». Высшая судебная инстанция отказала в удовлетворении данного заявления, указав, что положения оспариваемого нормативного акта не противоречат действующему законодательству, приняты ФСБ России в пределах полномочий федерального органа исполнительной власти и не нарушают права и свободы граждан. Информация об этом факте почерпнута нами из источника, указанного в следующей ниже сноске.

⁴⁰ Указанный термин здесь означает отсутствие необходимости в уголовно-процессуальной форме.

Однако указывалось, что позиция И.Р. Дмитриева вызывает трудности в понимании [3, 58]. Попытаемся дать собственную интерпретацию свободного повода.

Для этого нам понадобится не только дефиниция, но и предпосылки ее формирования. Из диссертации И.Р. Дмитриева мы выяснили, что инициатором введения понятия свободного повода в уголовный процесс выступил М.П. Поляков. Анализируя новую систему поводов, он отметил, что «с одной стороны, это вполне логичный шаг законодателя. Жизнь – многообразна, и уложить обилие ситуаций в жесткую систему поводов практически невозможно. Поэтому наличие в системе информационных сигналов о преступлении «свободного» повода необходимо приветствовать. Однако у подобной конструкции есть и обратная сторона. Законодатель, видимо, не напрасно избегает приведения системы поводов к одному элементу. Дело в том, что дифференциация поводов к возбуждению уголовного дела связана, кроме прочего, со спецификой процессуального режима извлечения из них информации» [19, С. 99].

К месту будет задать вопрос: отчего должен быть свободен указанный повод? М.П. Поляков не дает ответа на этот вопрос. И.Р. Дмитриев, если мы правильно поняли его позицию, говорит о свободе от уголовно-процессуальной формы. Такой вывод мы делаем, опираясь на следующую цитату: «Термин «свобода» здесь подразумевает не только широкий информационный охват, но и возможность использования альтернативных методов формирования повода (форма «свободного» повода для возбуждения уголовного дела не должна пониматься как именно уголовно-процессуальная форма)» [8, С. 10].

Из сказанного можно заключить, что повод не может быть свободен от формы вообще. В любом случае информация должна быть формально определена. Но уголовный процесс должен принять и оперативно-розыскную форму повода, и административно-процессуальную. Полагаем, что в свободную зону следует включать всякую логически упорядоченную информацию и не только. Выше мы уже говорили о ведомственных актах. Полагаем, что там идея реализации свободного повода находит четкое практическое воплощение. Правда, там свободный повод определяется как «иная информация о правонарушении».

Для правильной оценки свободного повода необходимо иметь в виду и некоторые доктринальные параллели. Созвучное методологическое решение в уголовно-процессуальной науке в свое время предлагалось для системы доказательств. В.А. Камышин предложил рассматривать источник доказательств «иные документы» в качестве «свободного» доказательства, которое определялось следующим образом: «Свободное доказательство в уголовном процессе – это всякая значимая для дела и процессуально неформализованная социальная информация, зафиксированная на материальном носителе любым лицом и любым способом, допускающим его расшифровку, доброкачественность которой определяется по свободному усмотрению органа уголовного судопроизводства» [10, С. 6].

Таким образом, к свободному поводу следует относить все те источники первичной информации, в отношении которых закон не выработал четкой уголовно-процессуальной формы. Свободный повод – это своего рода «карантин» для проблемных поводов. Они принадлежат к нему до тех пор, пока не выяснится образ их процессуальной формы. Понятно, что известные источники информации не могут вечно находиться в этой

свободной зоне. Уголовно-процессуальная наука должна стремиться перевести их в зону формальной определенности.

В связи с этим законодательная техника, примененная при формировании современной системы поводов, не может быть признана позитивной. Сам факт появления свободного повода – это благо. Оговоримся, что под свободным поводом понимается повод, сформулированный в п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ. Но избыточное содержание этого повода следует оценить негативно. Законодатель, на наш взгляд, применил метод «чрезмерного округления» и поместил в этот повод массу конкретных источников информации. Сюда попали, в частности, и публикации в средствах массовой информации, и непосредственное обнаружение признаков преступления органами расследования и прокурором.

Вместе с тем, критикуя законодателя, мы уперлись в существенную методологическую проблему. Из предыдущих рассуждений можно сделать вывод о том, что в зону свободного повода попадают формально неопределенные источники. Это основная посылка. Но если исходить из УПК РСФСР (1960 г.), то формально определенными были только такие поводы, как заявления и сообщения о преступлении и явка с повинной. Публикации в печати и непосредственное обнаружение не имели формальной определенности. Они лишь назывались. Здесь законодатель поступил вполне логично.

Следовательно, формальная определенность не является единственным критерием, на основании которого выделяется свободный повод. Наряду с формальной определенностью следует выделять просто определенность повода.

Полагаем, что формальной определенности предшествует конкретизация повода, когда он четко выделяется из совокупности информационных сигналов, в первую очередь, по своей сугубо информационной форме. Этот момент можно назвать конкретизацией повода или детализацией элементов системы поводов. Помещение такого повода в систему поводов, его персонификация означает констатацию важности этого информационного сигнала для уголовного процесса. И даже если уголовно-процессуальная форма реализации этого повода не ясна или носит квазипроцессуальный характер, в систему поводов вводится элемент с конкретным именем.

Именно так поступает законодатель стран СНГ. В исследованных нами кодексах четко прослеживается курс на дифференциацию и детализацию поводов. Этого же курса следует придерживаться и российскому законодателю.

Однако дифференциация поводов не означает, что идея унификации поводов должна сойти на нет. По нашему мнению, идея унификации поводов не работает на уровне всей системы поводов. Нецелесообразно сводить всю систему поводов к одному элементу. Этому противится сама сложная природа поводов. Но нельзя вводить в систему поводов и очень крупные (по сути, унифицированные элементы). Таковым сегодня является повод, обозначенный в п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ.

Вместе с тем, идея унификации поводов находит реальное и полезное практическое применение в рамках конкретного повода. Поиск адекватной процессуальной формы, пригодной для множества конкретных проявлений поводов (например, заявлений граждан), должен опираться на идею унификации.

Правда, и здесь мы можем уже сегодня разглядеть проблемную ситуацию. Наши рассуждения удовлетворительны с теоретической точки зрения. Что касается практики, то здесь в рамках конкретных поводов идет процесс практической дифференциации. Это хорошо заметно на примере экономических преступлений [9; 13; 18].

В завершение дадим ответы на вопросы, поставленные в начале нашей статьи:

1) в числе факторов, оказывающих воздействие на формирование и развитие системы поводов, можно выделить следующие:

- наличие в уголовном процессе частных и публичных начал;
- приоритетное положение принципа публичности и производной от него розыскной методологии отечественного уголовного процесса;
- потенциальное умножение источников информации о преступлениях;
- потребность формализации наиболее типичных поводов;
- неизбежное наличие в числе источников информации о преступлении формально неопределенных (свободных) источников.

2) для формирования системы поводов существенное значение имеют оба подхода. Однако для пользы дела их необходимо упорядочить иерархически. В основу формирования системы поводов для возбуждения уголовного дела должен быть положен дифференцированный подход. Конкретизация и детализация элементов системы поводов – важнейшая методологическая предпосылка работоспособности этой системы.

Унифицированный подход целесообразен для разработки отдельных элементов системы поводов. Напомним, что повод – это тоже своеобразная информационная система. Унифицированный подход позволяет сформировать и образ свободного повода для возбуждения уголовного дела.

Литература

1. Александров А.С. Диспозитивность в уголовном процессе. – Н. Новгород, 1997.
2. Бандурин С.Г. Публичность как принцип уголовного судопроизводства и его действие в стадии возбуждения уголовного дела: Дис... канд. юрид. наук. – Саратов, 2004.
3. Быков В.М., Березина Л.В. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела. – Казань: Изд-во «Таглитмат». – ИЭУП, 2006. – 256 с.
4. Вицин С. Институт возбуждения дела в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. – 2003. – № 6.
5. Голубев В.В. Анонимные заявления: позитивный взгляд на негативное явление // Законодательство. – 2003. – № 3.
6. Григорьев В.Н. Возбуждение уголовного дела / Лекция-консультация. – М., 2002.
7. Григорьев В.Н., Голубов И.И., Селютин А.В. Возбуждение уголовных дел частного обвинения: проблемы и перспективы // Мировой судья. – 2006. – № 2. - С. 16-18.
8. Дмитриев И.Р. «Свободный» повод для возбуждения уголовного дела: Дис... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2005.
9. Зюзик В.И. Основания возбуждения уголовного дела по налоговым преступлениям // Современное право. – 2004. – № 12. // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс».

10. Камышин В.А. Иные документы как «свободное» доказательство в уголовном процессе: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – Ижевск, 1998.
11. Керимов Д.А. Методология права. – М., 2000.
12. Клир И. Абстрактное понятие системы как методологическое средство // Исследование по общей теории систем. М.: Прогресс, 1969. С. 287-319.
13. Коляда А.В. Возбуждение уголовных дел о преступлениях, предусмотренных статьями 174 и 174.1 УК РФ // Адвокат. – 2005. – № 3. - С.54-56
14. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В.И. Радченко; Науч. ред. В.Т. Тomin, М.П. Поляков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2006.
15. Коридзе М.Т. Современные задачи стадии возбуждения уголовного дела и средства их решения: Дис... канд. юрид. наук. – Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2006. – 189 с.
16. Кречетов Д. Не все жалобы должны проверяться в порядке, предусмотренном УПК РФ // Законность. – 2005. – № 4.
17. Махмутов М. Отказ в приеме сообщения о преступлении // Законность. – 2006. – № 5. – С. 37-38.
18. Павлов И. Основания возбуждения уголовных дел по налоговым преступлениям // Российская юстиция. – 1999. – № 12.
19. Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности. – Н. Новгород, 2001.
20. Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: Дис... д-ра юрид. наук. – Н. Новгород, 2002.
21. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. – Петроград, 1914.
22. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. – Петроград, 1916.
23. Седаш Е.А. Частное начало в российском уголовном судопроизводстве: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – Саратов, 2000.
24. Случевский В. Русский уголовный процесс. – СПб., 1913.
25. Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. – СПб..., 2000.
26. Спасович В.Д. Избранные труды и речи / Сост. И.В. Потапчук. – Тула, 2000.
27. Тomin В.Т. Острые углы уголовного судопроизводства. – М., 1991.
28. Федулов А.В. Реализация принципа публичности (официальности) в современном уголовном судопроизводстве России: Дис... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2002.
29. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2 т.– СПб., 1996. – Т. 1.
30. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2 т.– СПб., 1996. – Т. 2.
31. Хрестоматия по уголовному процессу России: Учебное пособие / Авт.–сост. проф. Э.Ф. Куцова. – М., 1999.
32. Чельцов-Бebutov М.А. Положение личности в уголовном процессе. – М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1948.
33. Шевченко И.А. Повод к возбуждению производства по уголовному делу // Российский следователь. – 2002. – № 11. – С. 16-17.

© Е.С. Кузьменко, 2016.
© «Наука. Мысль», 2016.

— ● —

Abstract. This article presents the study of the theoretical and practical foundations of the initiation of criminal trial, while special attention is paid to the system the reasons for initiation of criminal proceedings.

Keywords: criminal case, initiation of criminal trial, criminal law.

— ● —

Сведения об авторе

Елена Сергеевна **Кузьменко**, кандидат юридических наук, Нижегородская академия МВД России (Нижний Новгород, Россия).

— ● —

Подписано в печать 15.01.2016.
© Наука. Мысль, 2016.

;